

УДК 069.53(517.13)»1920/1941»

*Е. И. Красильникова***ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУЗЕЕВ, НАПРАВЛЕННАЯ НА ОХРАНУ ПАМЯТНИКОВ
В ГОРОДАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1920 – первая половина 1941 гг.)**

В России тема охраны памятников истории не теряет актуальности на протяжении многих десятилетий. Памятное местно отражает ценностное восприятие обществом прошлого. Именно поэтому отношение власти к существующим памятникам изменчиво и не всегда однозначно: в одних условиях памятник может служить легитимации, в других дискредитации тех или иных политических сил и политических личностей. В результате нередко общество становится свидетелем войны государства и отдельных политических группировок с памятниками, а также процессов активного возведения однотипных монументов. В 1920–1930-х гг. СССР пережил этап радикальной «проработки прошлого», сопровождавшийся созданием многочисленных памятников героям новой эпохи и избирательным отношением к охране уже существующих памятников и памятных мест. Значительная часть дореволюционного культурно-исторического наследия подверглась уничтожению (памятники царям и государственным деятелям, храмы, старинные кладбища и пр.). Ключевую роль в аккумулировании определенной версии коллективной памяти, в трансляции официальных оценок прошлого, в идеологическом просвещении играли музеи. Однако было бы несправедливо признать за музейными работниками межвоенных лет отсутствие собственного мнения, понимания ценности тех дореволюционных памятников, которые власть тенденциозно разрушала, а также инициатив, направленных на их сохранение. Именно поэтому в фокусе нашего исследования находится отношение музейных работников городов – административных центров Западной Сибири к постепенно уничтожавшимся памятным местам и историческим памятникам их малой родины, а также их деятельность, направленная на охрану памятников. Исследование этого вопроса расширяет наше представление как об исторической политике советского государства межвоенных лет, так и о ее рецепции в среде музейной интеллигенции, которой государство отводило важную роль в реализации этой политики. Данная статья частично проливает свет на причины и эмоциональный фон обеднения, а также «перезагрузки» культурно-исторического ландшафта городов Западной Сибири.

Историография заявленной темы включает в себя как работы, посвященные вопросам охраны памятников истории и культуры, так и проблемам их разрушения. Изучением охраны памятников в Советской России занимались историки и юристы. Уже в 1940–1970-е гг. к этой проблематике обращались Ю. Оснос, И. С. Смирнов, В. К. Гарданов, Д. А. Равикович и др.¹. С 1980-х гг. ведется более детальное изучение правовых

¹ *Оснос Ю.* Октябрьская революция и памятники художественной культуры // *Искусство.* 1940. № 6. С. 62-66; *Смирнов И. С.* Из истории строительства социалистической культуры. М., 1949; *Гарданов В. К.* Музейное строительство и охрана памятников культуры в первые годы Советской власти // *История музейного дела в СССР.* М., 1957. С. 7-36; *Равикович Д. А.* Охрана памятников истории и культуры в РСФСР 1917–1967 гг. // *Труды НИИ музееведения и охраны памятников истории и культуры.* М., 1970. Вып. 22. С. 3-127 и др.

основ истории памятникоохранительной деятельности в РСФСР². Параллельно в России стали официально публиковаться работы об инициированных государством разрушениях памятников. Еще в 1930-х гг. этой проблеме было уделено внимание за рубежом³, позже книги на эту тему выходили в «самиздате»⁴. К настоящему моменту существует обширная историография вопроса сноса памятников в разных регионах нашей страны⁵, в том числе и в Западной Сибири⁶. Позиция западносибирских музеев относительно уничтожения памятников, а также их инициативы, направленные на сохранение историко-культурного наследия, до сих пор изучены фрагментарно⁷. Одновременно имеется опыт обобщения аналогичного материала на примерах других регионов⁸.

Современная историография с одной стороны признает заслуги советского государства, сделавшего довольно крупный шаг в сторону законодательного обеспечения сохранения реликвий старины и реально обеспечившего защиту многим из них, с другой стороны, акцентирует внимание на том уроне, которое советское государство межвоенных лет нанесло историко-культурному наследию страны⁹. Существуют отдельные работы, в которых описаны усилия интеллигенции, направленные на спасение историко-культурного наследия от уничтожения¹⁰. Наше исследование представляет собой одну из первых попыток обобщения опыта работы западносибирских городских музеев, направленной на охрану исторических памятников в период между Гражданской и Великой отечественной войнами. На сегодняшний день лишь частично осмыслена историческая роль сибирских музеев в процессах сохранения и трансляции определенных версий коллективной памяти о прошлом. Данное исследование вносит вклад в разработку и этой проблемы.

² *Богуславский А. В.* Из истории советского законодательства об охране памятников (Декрет 5 октября 1918 г.) // Правоведение. 1987. № 5. С. 87-93; *Жуков Ю. Н.* Роль права в охране культурно-исторического наследия в первые годы Советской власти // Советское государство и право. 1983. № 11. С. 117-122 и др.

³ *Савицкий П. Н.* Разрушающие свою Родину (снос памятников искусства и распродажа музеев СССР). Прага, 1936.

⁴ *The destruction of the Church of Christ the Saviour: (самиздат).* London, 1988 и др.

⁵ *Длужневская Г. В.* Утраченные храмы Петербурга. СПб., 2003; *Михайлов К.* Взорванная память. Уничтожение памятников русской воинской славы. М., 2007; *Личак Н. А.* Разрушение памятников церковного зодчества Ивано-Вознесенской губернии в 1920–1930-х гг. // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2010. № 2. С. 83-91; *Тимофеева Т. П.* «Лежит в развалинах твой храм». О судьбах церковной архитектуры Владимирского края (1918–1939 гг.). Документальные хроники. Владимир, 1999 и др.

⁶ *Фурсова Е. Ф.* Закрытие православных церквей в городе Новосибирске в 1920–1930-е гг. // Новосибирская область в контексте Российской истории. Новосибирск, 2001. С. 169-171; *Скворцов Г. В.* Троицкий кафедральный собор // Томск от А до Я: краткая энциклопедия города. Томск, 2004. С. 379-380 и др.

⁷ *Исаева Л. И.* Вклад А. Л. Шилового в изучение и сохранение памятников архитектуры в Томске. Томск, 2009; *Григорьева С. Е.* История Томского краеведческого музея (1920–2000-е гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2011 и др.

⁸ *Казка Е. А.* История охраны памятников историко-культурного наследия в Бурятии в 1918–1985 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2006.

⁹ *Киндзерская М. А.* Музейное дело и сохранение историко-культурных памятников России (начало XX в. – конец 1930-х гг.). Автореф. дисс. ... канд. культурологи. Краснодар, 2005; *Стравинская В. В.* Советское законодательство по охране историко-культурного наследия. Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. Нижний Новгород, 2008.

¹⁰ *Личак И. А.* Система охраны памятников во второй половине 1930-х гг. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. Вып. 16. Т. 19. С. 202-208 и др.

Основными источниками для подготовки этой работы послужили законодательные документы из фондов Наркомпроса и Главнауки РСФСР, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации; делопроизводственные материалы из фондов областных архивов Новосибирска, Омска, Томска, а также архива Алтайского края, отражающие работу музеев Западной Сибири; публикации в газетных изданиях Барнаула, Новосибирска, Омска и Томска, посвященные проблемам местных памятников.

После установления Советской власти деятельность музеев страны, направленная на охрану памятников истории, впервые была признана в качестве государственного дела. С 1918 г. власть рассматривала музеи, прежде всего как идеологические и научно-просветительские учреждения. После Гражданской войны государство инициировало работу музеев по выявлению, учету и сохранению памятников и артефактов старины. К этой работе активно привлекалось население¹¹. С 1923 г. в задачи музеев входила критическая оценка всех сохранных памятников¹². Для этого предполагалось «выделение предметов, имеющих исключительное музейное значение и подлежащих государственному охранению», «перерегистрация собраний и отдельных памятников искусства и старины, стоящих на учете Главнауки по музейному отделу Наркомпроса», определение исторической и художественной ценности предметов и памятников, постановка «ценных» на учет. Музейные предметы и памятники, признававшиеся не имеющими ценности, снимались с учета и не подлежали охране со стороны государства¹³. Было очевидно, что это постановление спровоцирует многочисленные дебаты о ценности тех или иных памятников. Поэтому дополнительно определялись критерии ценности: «давность» (с момента возведения памятника зодчества должно было пройти сто лет и более) и «художественная сторона» (эстетические достоинства памятника)¹⁴. На данном этапе законодательство не содержало мысли о том, что культовые постройки заведомо не являются ценными.

Однако церковь была лишена прав юридического лица, что в дальнейшем привело к уничтожению культовых памятников. На практике посредством периодической печати велась пропаганда, направленная на формирование общественного мнения о необходимости уничтожения церквей. С конца 1929 г. в городах Западной Сибири началось постепенное закрытие храмов, многие из которых подлежали разрушению. И. А. Личак считает, что с середины 1930-х гг. «набирала силу тенденция, направленная на свертывание работ по охране памятников, на снос старинных архитектурных строений и памятников, «идеологически вредных»». В эти годы проявилось также более утилитарное отношение к памятникам. Также И. А. Личак отмечает, что музеи в 1930-х гг. реально не обладали ни материальными возможностями, ни юридическими правами для осуществления деятельности по охране памятников, которая была возложена на музеи государством¹⁵.

В провинции задача охраны памятников в 1920–1930-х гг. возлагалась, прежде всего, на краеведческие музеи. После Гражданской войны в Западной Сибири активно развивалась сеть музеев. Центрами музейного дела стали губернские города: Омск, Томск, Барнаул и Новониколаевск (Новосибирск). В каждом из этих городов сложилась отличитель-

¹¹ Равикович Д. А. Организация музейного дела в годы восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.) // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1969. Вып. VI. С. 99.

¹² Годунова Л. Н. Органы управления музейным делом в СССР. 1917–1941 гг. // Музейное дело в СССР. М., 1989. Вып. 19. С. 25–26.

¹³ Государственный архив Российской Федерации (Далее – ГАРФ). Ф. А-2307. Оп. 3. Д. 2. Л. 23.

¹⁴ ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 3. Д. 9. Л. 4.

¹⁵ Личак И. А. Система охраны памятников во второй половине 1930-х гг. С. 208.

ная специфика местной культурной жизни и особенный ландшафт коллективной памяти. Эти обстоятельства отразились и на памятникоохранительной деятельности музеев.

К началу 1920-х гг. в Омске уже существовал музей, основанный в 1878 г. Западно-сибирским отделом русского географического общества (далее – ЗСОРГО). В 1921 г. он был выделен из состава ЗСОРГО в самостоятельное учреждение – Государственный Западно-сибирский краевой музей. История краеведческого музея в Томске началась в 1911 г., когда городская дума дала согласие на создание Областного Сибирского научно-художественного музея¹⁶. В 1920 г. при отделе народного образования Томского губернского исполнительного комитета был создан подотдел по делам музеев, охраны памятников искусства и старины. В 1921 г. этот подотдел был реорганизован в губернский музей. В Барнауле еще в 1823 г. в целях просвещения по инициативе начальника Колывано-Воскресенских заводов П. К. Фролова был создан «Горный музей». В 1891 г. было основано общество любителей исследований Алтая, создавшее свой собственный музей, где также накапливались этнографические и археологические экспонаты. В 1911 г. два музея фактически объединились¹⁷. После Октябрьской революции этот объединенный музей был национализирован, в советские годы он стал краеведческим. Лишь в 1920 г. в Новониколаевке открылся «мироведческий» музей, позже преобразованный в краеведческий и краевой. Это учреждение в межвоенные годы рассматривалось местными властями как главный музей региона.

Рассмотрим последовательно основные проблемы памятникоохранительной деятельности этих музеев. Еще в 1923 г. сотрудники омского музея поставили перед собой две основные задачи: охранять памятники старины и изучать культурно-исторические аспекты жизни сибиряков¹⁸. Реализация первой из этих задач отразилась в следующих мероприятиях. При музее была создана памятникоохранительная комиссия, начавшая выявление мемориальных объектов, к которым относили, прежде всего, старинные культовые постройки, крепостные стены и ворота. Однако деятельность этой комиссии дублировалась работой памятникоохранительной комиссии ЗСОРГО. Отношений сотрудничества между этими комиссиями не сложилось. Однако ясно, что в первой половине 1920-х гг. обе комиссии, прежде всего, обратили внимание на Воскресенский крепостной собор, построенный более 150 лет назад – одно из старейших и красивейших зданий в городе. Но комиссия ЗСОРГО, желавшая приступить к изучению церковных ценностей, упрекала в инертности музейных работников, интерес которых к этому объекту был, по мнению конкурировавшей комиссии, вялым. В первой половине 1920-х гг. собор продолжал функционировать. Священнослужители не подпускали ЗСОРГО к своим ценностям, заявляя, что будут сотрудничать лишь с музеем. Более решительную позицию музей занял в конце 1920-х гг., когда ему пришлось защищать Крепостной Воскресенский собор от передачи воинским частям под клуб с последующей перестройкой. Музейные работники просили отдать собор их учреждению под антирелигиозную выставку¹⁹. Они рассчитывали сохранить его убранство, настенные росписи и уникальный иконостас. В этом порыве было заметно их желание сберечь храм для города, хотя бы как архитектурный и «исторический памятник». Однако горсовет принял окончательное решение передать храм армии.

¹⁶ Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 233. Оп. 2. Д. 3367. Л. 25-26.

¹⁷ *Абрамова А. Ю.* Музей общества любителей исследования Алтая (из истории АГКМ в 1891–1920 гг.) // Краеведческие записки. Барнаул, 1999. Вып. 3. С. 26.

¹⁸ Хроника // Рабочий путь. 1922. 9 марта.

¹⁹ Государственный архив Новосибирской области (Далее – ГАНО). Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 126. Л. 5.

В результате произошло его фактическое разграбление. Возможно, на судьбе храма сказались особенности коллективной памяти тех, кто боролся за восстановление Советской власти в 1919 г. Так бывший командир эскадрона по фамилии Некрасов в 1929 г. написал в своих воспоминаниях: «Мы были обстреляны сильным пулеметным огнем с церкви, что у моста и с кадетского корпуса. Характерно, что эта лжемолельня, так доблестно защищавшая интересы белых генералов, стоит до сих пор и обманывает людей, забивает им ум церковной ложью. Ни лучше ли было гражданам почитателям данной церкви в день 14 ноября (день свержения режима А. В. Колчака в Омске – Е. К.) почтить память погибших красногвардейцев от пулеметов, находившихся на этой лжецеркви, а на деле колчаковской крепости путем превращения этой лжецеркви в клуб пролетарской ленинской культуры и назвать клуб именем 14 ноября»²⁰.

Уже в середине 1920-х гг. омская печать призывала к уничтожению культовых сооружений, которые музей не мог отстоять. К примеру, высказывалась мысль о необходимости сноса часовни, примыкавшей к зданию магазина «Акорт», на основании ее ветхости и того факта, что часовня является «памятником царизма», то есть была построена в честь спасения царской семьи при крушении поезда²¹. С начала 1930-х гг., как и на всю Западную Сибирь, на Омск нахлынула волна сноса храмов. Печать иногда сообщала «об интересных находках», которые удавалось обнаружить при уничтожении культовых зданий. Некоторые из них передавались в музей²². Рубеж десятилетий стал для омского музея, как и для многих других музеев страны, этапом глубокого кризиса. В учреждении неоднократно менялось руководство, была разрушена экспозиция, не отвечавшая новым идеологическим требованиям, наступило затишье и в работе над охраной памятников. Лишь к концу 1930-х гг. намечился выход из кризиса: в музее была создана новая экспозиция, активизировалась работа, направленная на охрану памятников.

На этом этапе памятникоохранительная деятельность музея, которая велась на территории Омска, была переориентирована на советские мемориальные объекты. Музей также добился признания в качестве исторического памятника тобольского кремля, поскольку Тобольск входил в состав Омской области, вел работу в Ялуторовске. Но в городе – административном центре вся памятникоохранительная деятельность сосредоточилась вокруг новейших памятников. В первую очередь это касалось братских могил «жертв колчаковщины» и соответствующего памятника в сквере на улице Республики. Этот монумент, возведенный более пятнадцати лет назад, еще ни разу не реставрировался. Не отличались ухоженным видом и братские могилы. К примеру, ограда на месте погребения «тринадцати товарищей, расстрелянных чехами и казаками», была сломана более чем на половину, памятник, водруженный на глиняный бугор «удручающего вида» едва не падал. Неуместным было и наличие грязной уборной, а также какого-то деревянного павильона рядом с могилами. Между тем, близился 20-летний юбилей освобождения Омска от Колчака, к которому Горсовет обязал музей привести памятные места военно-революционных лет в порядок. Помимо реставрации и уборки потребовалось провести немалую работу, направленную на то, чтобы освежить в памяти имена лиц, покоившихся в братских могилах, и обстоятельства их гибели, поскольку выяснилось, что фактически уже полузаброшенный

²⁰ Центр документации новейшей истории Омской области (Далее – ЦДНННО). Ф. 19. Оп. 1. Д. 308. Л. 8.

²¹ Часовню под снос // Рабочий путь. 1926. 8 июля.

²² Находка в старой церкви // Омская правда. 1936. 1 февр.

памятник практически не сообщает этих сведений. Ознакомившись с состоянием военно-революционных памятников и оценив ситуацию, как запущенную, музейные работники приняли решение установить местонахождение всех сколько-нибудь известных могил героев и жертв Гражданской войны, а также зданий, связанных с историей революции. По итогам планировалось выпустить карту историко-революционных памятников Омской области. К этой инициативе привлекалось население, обращаясь к которому, музейные работники просили «отнестись к делу не формально, как это часто бывает в подобных случаях»²³. Однако от отчетной документации, составлявшейся самими музейными работниками на этом этапе, все-таки веет именно формализмом. Перед войной, к примеру, им пришлось признать, что в 1939 г., к юбилейной дате, был «наспех сколочен» памятник в Загородной роще, который требовалось переделать²⁴.

Еще одной актуальной с точки зрения идеологии тех лет проблемой для омского музея стало выявление и охрана памятников, связанных с именем В. В. Куйбышева, который в юности проживал в этом городе. В итоге здание бывшего кадетского корпуса, где учился Куйбышев, и дом, где он жил, в 1939 г. были признаны историческими памятниками и поставлены под охрану государства. В память о В. В. Куйбышеве также наспех был открыт небольшой моно-музей в доме, где юный революционер был арестован в 1906 г. Помимо этого в список охраняемых военно-революционных исторических памятников вошли два памятника И. В. Сталину, шесть памятников В. И. Ленину, дома, где жили декабристы Басаргин и Семенов, здания, где располагался Сибревком, некоторые явочные и конспиративные квартиры революционеров, подпольная типография, а также место расстрелов подпольщиков, осуществлявшихся в 1918 и 1919 гг. – Загородная роща (там существовало четыре уже обветшавших памятника погибшим). В список включили и братские могилы «жертв колчаковщины»: в Ленинске, на Казачьем кладбище, в Кировске, во дворе военного училища на ул. Республики. На братских могилах и на отдельных могилах революционеров производилась уборка, менялись ограды и памятники, высаживались цветы. На Казачьем кладбище к братским могилам проложили дорожку. В канун 20-летия свержения «колчаковщины» в Омске также появилось несколько мемориальных досок: доска на улице Ядринцева сообщала: «В этом доме был под арестом В. В. Куйбышев в 1906 г.»; на улице Почтовой: «Здесь 19 октября 1919 г. произошло избиение манифестантов» и др.²⁵

В послевоенном Томске огромную роль в начале дела охраны памятников истории сыграл архитектор и художник А. Л. Шиловский, возглавивший подотдел по охране памятников Губернского комитета народного образования. Уже в 1920 г. группа томских художников приступила к выявлению, обмерам, фотографированию и зарисовкам уцелевших памятников в разрушенном войной городе²⁶. Помимо А. Л. Шиловского в начале 1920-х гг. охраной памятников в Томске занимались архитекторы А. Д. Крячков и Б. Н. Засыпкин, а также профессор Б. П. Деннике. В частности выдающийся сибирский архитектор А. Д. Крячков делал обмеры и зарисовки церкви закрытого мужского Алексеевского монастыря, которая была поставлена под охрану, а также старых мясных

²³ Государственный исторический архив Омской области (Далее – ГИАОО). Ф. Р-1076. Оп. 1. Д. 186. Л. 24-41.

²⁴ Там же. Л. 135.

²⁵ Там же. Л. 124-133.

²⁶ Об этом см. подробнее: *Красильникова Е. И.* Томский краеведческий музей как место памяти жителей города (1920 – первая половина 1941 гг.) // Вопросы музеологии. 2013. № 1 (7). С. 60-72.

рядов²⁷. В список исторических памятников комиссия вносила, прежде всего, церкви. В этот список изначально попали и старые кладбища, последовательное уничтожение которых началось в Томске с 1926 г.²⁸

В середине 1920-х гг. томские музейные работники также проявили заботу о местах, которые и до революции считались местными достопримечательностями. В их числе были дом декабриста Г. С. Батенькова, Кузнецкая крепость, домик, где жил Ф. М. Достоевский, «Московские столбы», келья старца Федора Кузьмича и др.²⁹ В 1924 г. директор музея М. Б. Шатилов обнаружил разграбление кельи старца, которая находилась под охраной музея. Из помещения пропали стулья, иконы, деревянная кровать и прочие вещи. Милиция нашла только кровать и ее изголовье, прочее пропало бесследно³⁰. В 1929 г. М. Б. Шатилов ходатайствовал перед Главнаукой Народного комиссариата просвещения по поводу сохранения могилы Федора Кузьмича и существовавшей на могиле часовни, в чем директору музея было категорически отказано³¹. Не удалось ему восстановить и разрушенные могилы ученого, общественно-политического деятеля, одного из идеологов областничества Г. Н. Потанина, нескольких профессоров томского университета и деятелей культуры³².

С середины 1920-х гг. томский музей работал также над выявлением и постановкой под охрану военно-революционных памятников. Эта работа была приурочена к десятилетию «Октября». Фотограф Н. В. Тагауров отснял следующие объекты: здание тюрьмы, где отбывали наказание томские революционеры и подпольщики³³, барак № 2, где в ноябре 1919 г. началось восстание против Колчака³⁴, дом И. Е. Кононова, который чтился в Томске, как «первая невинная жертва» революции 1905 г.³⁵, тайную типографию³⁶, дом, где состоялась маевка в 1899 г.³⁷, несколько конспиративных квартир³⁸. Сведения о местонахождении этих домов черпались из воспоминаний революционеров, записанных также музейными работниками. Однако документы, в которых зафиксированы рассказы старых большевиков, отражают некоторый формализм и слабую заинтересованность самих музейных работников в работе, которую они выполняли³⁹.

М. Б. Шатилов был репрессирован в 1933 г. После его ухода из музея, забота о памятниках, не связанных с историей революционного движения, практически прекратилась. Деятельность по охране военно-революционных памятных мест, как и в Омске, велась без особенной инициативы, усилившись только в преддверии двадцатилетия «освобождения

²⁷ Областное государственное автономное учреждение культуры «Томский областной краеведческий музей» им. М. Б. Шатилова». Ф. 1. Оп. 4. Д. 309. Л. 3. (Далее – ОГАУК «ТОКМ им. М. Б. Шатилова»).

²⁸ Об этом см. подробнее: *Красильникова Е. И.* Исторический некрополь Новосибирска // Вестник Томского Государственного университета. 2014. № 308 (3). С. 80-91.

²⁹ ГАНУ. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 14. Л. 32-32 об.

³⁰ ОГАУК «ТОКМ им. М. Б. Шатилова». Ф. 1. Оп. 1. Д. 85. Л. 1-3.

³¹ ОГАУК «ТОКМ им. М. Б. Шатилова». Ф. 1. Оп. 1. Д. 19. Л. 51.

³² *Андреева Е. А.* История Томского краеведческого музея языком архива // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 2002. С. 68-69.

³³ ГАТО. Ф. Р-133. Оп. 2. Д. 677.

³⁴ ГАТО. Ф. Р-133. Оп. 2. Д. 640.

³⁵ ГАТО. Ф. Р-133. Оп. 2. Д. 529.

³⁶ ГАТО. Ф. Р-133. Оп. 2. Д. 526.

³⁷ ГАТО. Ф. Р-133. Оп. 2. Д. 519.

³⁸ ГАТО. Ф. Р-133. Оп. 2. Д. 525 и др.

³⁹ Центр документации новейшей истории Томской области (Далее – ЦДНИТО). Ф. 4204. Оп. 1. Д. 27 и др.

от колчаковщины». С 1934 г. томичи были вынуждены трудиться над увековечиванием памяти о С. М. Кирове, который начинал свою революционную деятельность в их городе. В этой связи, в частности, был поставлен под охрану дом на Гоголевской улице, где жил С. М. Киров⁴⁰. В 1935 г. была создана городская комиссия по охране памятников. В качестве представителя музея в работе комиссии принял участие этнограф П. Г. Иванов. С 1939 г. в городе функционировала уже другая памятникоохранительная комиссия – Комитет по охране памятников революции, культуры, Гражданской войны и искусства. Этой комиссией руководил директор музея И. И. Косов⁴¹. В 1940 г. работа комиссии выразилась в ходатайстве исполнительного комитета Томского городского совета депутатов трудящихся перед Новосибирским исполнительным комитетом (Томск в эти годы являлся городом Новосибирской области) о зачислении на местную государственную охрану памятников истории и революции. В список вошла усадьба золотопромышленника Асташова, где размещался краеведческий музей; здание, где в 1905 г. произошел еврейский погром; памятник И. Е. Кононову; памятник на братской могиле на площади Революции, возведенный лишь годом ранее; памятник жертвам «колчаковщины» близ железнодорожной станции Томск II; дом, где жил С. М. Киров, а также дом на набережной реки Ушайки – место, где в 1917 г. располагался клуб и бюро томского комитета РСДРП⁴². Заметно, что в этот список практически не попали памятники дореволюционного периода, не ставились под охрану конспиративные квартиры и подпольная типография, выявленные в середине 1920-х гг. Усадьба Асташова – «яркий образец раннего николаевского ампира» ставилась под охрану благодаря инициативе одного из немногих квалифицированных специалистов, работавших в томском музее, археолога Н. А. Чернышова, сумевшего доказать ценность этого памятника⁴³.

В Барнауле – центре горной промышленности, многое в межвоенное время свидетельствовало о специфике дореволюционного прошлого этого города. В частности – наиболее яркий памятник периода интенсивного развития горнорудного дела – Демидовский столп, заложенный еще в 1825 г. на Демидовской площади в честь столетия с начала промышленной добычи медной руды на Алтае. Уже в 1921 г. с газетной полосы первомайского номера «Красного Алтая» прозвучал призыв заменить этот памятник на «выкристаллизованную волю пролетариата» – фигуру В. И. Ленина, поскольку «obelisk уносит нас в мрачную эпоху крепостничества»⁴⁴. Музей не оказал сопротивления вандалам. Однако, как широко известно, снести столп не удалось по причине его прочности, лишь две красные плиты из сузунской меди с точными датами основания завода и барельеф Демидова были сняты с памятника. К середине 1920-х гг. максимализм революционного запала начал ослабевать, и барнаульские журналисты, поддерживая членов Русского географического общества и местных краеведов, выразили критичное отношение к разрушению столпа. По мнению газетчика А. Коптелова, снятые с памятника и увезенные в Новониколаевск плиты, позорили барнаульцев, которые, по оценке журналиста, вообще безалаберно «хранят памятники старины»⁴⁵.

⁴⁰ ОГАУК «ТОКМ им. М. Б. Шатилова». Ф. 1. Оп. 2. Д. 51. Л. 35 об.

⁴¹ Григорьева С. Е. История Томского краеведческого музея (1920–2000-е гг.). С. 96–97.

⁴² ОГАУК «ТОКМ им. М. Б. Шатилова». Ф. 1. Оп. 4. Д. 309. Л. 9.

⁴³ Андреева Е. А. История Томского краеведческого музея языком архива. С. 120–121.

⁴⁴ Украсим город // Красный Алтай. 1921. 1 мая.

⁴⁵ Коптелов А. Как барнаульцы хранят памятники старины // Советская Сибирь. 1925. 7 марта.

В Барнауле середины 1920-х гг., как и в других городах региона, началась работа над выявлением памятных мест, связанных с историей революционного движения. В соответствии со стандартом мероприятий, предшествовавших торжествам, приуроченным к двадцатилетию революции 1905 г., барнаульский музей собирал сведения о местонахождении конспиративных квартир подпольщиков, а также записывал со слов «пятигодников» истории, связанные с этими квартирами, располагавшимися, преимущественно, на Гоголевской улице⁴⁶.

Уже в начале 1930-х гг. попытки барнаульских музейных работников сохранить памятники, не имевшие отношения к революции, не имели успеха. В ноябре 1931 г. горсовет Барнаула постановил закрыть два старых кладбища – Нагорное и Крестовоздвиженское. Вскоре началось разрушение исторического некрополя города. Уже через месяц директор Барнаульского краеведческого музея обратился с письмом в Горкомхоз, где обращал внимание на безжалостное уничтожение памятников «выдающихся свойствами материала, из которого они сделаны, и художественным отличием». Автор письма считал, что необходимо восстановить уже пострадавшие от разрушения памятники ученому и публицисту Н. М. Ядринцеву, механику-изобретателю К. Д. Фролову, врачу Ф. В. Геблеру, французскому ученому Г. Л. Менье, общественному деятелю Т. С. Бурнашеву, одному из основателей Общества любителей исследования Алтая Н. И. Журину. Просил директор музея и о сохранении уникального памятника XVIII в. на могиле некоего Черницына, а также искусно изготовленного из темно-зеленой яшмы и розового кварца надгробия мальчика Матвеева. Сотрудники музея просили не только восстановить все эти памятники, но также зарегистрировать их и принять меры к их охране⁴⁷. Однако это письмо не помогло сохранить исторический некрополь города.

До революции в молодом Новониколаевске, основанном только в 1893 г., еще не сложились краеведческие традиции, как, например, в Томске или Омске. Памятных мест и памятников в Новониколаевске было мало. Попыток музея защитить от разрушения церкви или кладбища сохранившиеся документы не отражают. Говорить о начале серьезной работы по охране памятников Новосибирска можно лишь, имея в виду, предвоенные годы. Как и другие музеи региона, к двадцатилетию освобождения от «колчаковщины» новосибирский музей совместно с горсоветом взялся за выявление и учет памятников города Новосибирска. Общими усилиями Горсовета и музея была произведена реконструкция изрядно обветшавшего памятника «героям революции», расположенного на братской могиле на площади Ленина. К этому времени сведения о происхождении памятника существенно исказились, что нашло отражение в годовом отчете о работе музея⁴⁸. Составители отчета перепутали многие важные детали, касающиеся памятника. Отсутствие должного внимания к городским памятным местам со стороны даже таких организаций, в обязанности которых входило политическое просвещение, приводило, как выясняется, сначала к упрощению и естественному искажению памяти о революции, а потом и к созданию новой, совершенно оторванной от исторической почвы версии революционных событий. Показательно, что на 1940 г. запланировали установление памятника на месте расстрела «чехо-словацкой бандой» представителей совдепа, фамилии которых были также перепутаны. Так Ф. С. Шмурыгин был назван в отчете «Шмурыкиным», Ф. И. Горбань «Горба-

⁴⁶ Государственный архив Алтайского края (Далее – ГААК). Ф. Р-86. Оп. 1. Д. 39. Л. 46.

⁴⁷ ГААК. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 4. Л. 27.

⁴⁸ ГАНО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 4. Л. 1-2.

чем», а имен этих людей авторы отчета и вовсе не вспомнили. В 1939 г. установили также ряд мемориальных досок на фасадах зданий, имевших отношение к революции, а так же бюст П. Е. Щетинкина – прославленного партизанского командира. В следующем году планировалось продолжить работу по установлению мемориальных досок на памятных местах революции⁴⁹.

Итак, в деятельности музеев Западной Сибири, направленной на охрану памятников, в 1920–1930-х гг. можно выделить следующие общие характеристики. После Гражданской войны музейные работники региона сохраняли отношение к культурно-историческому наследию, ставшее стандартным в начале XX в.: стремились запечатлеть и оберегать «ускользающую старину» – прежде всего, памятники деревянного зодчества и старинные церкви. Параллельно Советская власть работала над созданием новых памятных мест, связанных с историей революции и Гражданской войны. С середины 1920-х гг. к этой работе привлекались и музеи, которые должны были участвовать в формировании нового ландшафта коллективной памяти. Музеи были обязаны охранять новые памятники, выявлять и маркировать памятные места, известные ранее только небольшим группам революционеров и подпольщиков, а также широко тиражировать историю этих мест. Музеи вели также работу над формированием памяти о том, где происходили важнейшие революционные события в городах Западной Сибири. Когда на рубеже 1920–1930-х гг. музейные работники пытались защитить памятники дореволюционной истории, не связанные с военно-революционным дискурсом, местные власти обычно пресекали их инициативы. Заметно, что западносибирские музейные работники без особенной заинтересованности охраняли новые военно-революционные памятные места, часто относясь к этой задаче как к формальной. В итоге уже к 20-летию «освобождения от колчаковщины» новые мемориалы выглядели заброшенными и неухоженными. В ответ революционеры и подпольщики выказывали недовольство пренебрежением к памяти, которая была им дорога. Однако в 1930-х гг. музеи Западной Сибири переживали глубокий структурный кризис, их невнимание к памятникам было связано также с недостатком квалифицированных работников, кадровой текучкой и материальными проблемами.

Информация о статье

Автор: Красильникова Екатерина Ивановна – канд. ист. наук, доцент, Россия, Новосибирский государственный технический университет, katrina97@yandex.ru.

Заглавие: Деятельность музеев, направленная на охрану памятников в городах Западной Сибири (1920 – первая половина 1941 гг.).

Абстракт: Статья посвящена характеристике основных проблем, возникавших в работе городских музеев Западной Сибири, которая была направлена на охрану исторических памятников, имевшихся в Омске, Томске, Барнауле и Новосибирске. Хронологические рамки исследования ограничены периодом между Гражданской и Великой отечественной войнами. Исследование выполнено на базе законодательных и делопроизводственных документов, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации, а также в западносибирских областных архивах. К исследованию привлекалась и периодическая печать. Автор приходит к выводам, согласно которым в начале 1920-х гг. музейные работники Западной Сибири, как и до революции, стремились, прежде всего, к охране памятников деревянного зодчества, исторического некрополя, старинных церквей и других дореволюционных построек, отражавших культурно-историческую специфику каждого из городов Западной Сибири. Местные органы власти также вовлекали музеи в работу над созданием нового ландшафта коллективной памяти, состоявшего из военно-революционных достопримечательностей. Когда на рубеже 1920–1930-х гг. музейные работники пытались защитить памятники дореволюционной истории,

⁴⁹ Там же. Л. 2.

не связанные с военно-революционными событиями, местные власти обычно пресекали их инициативы. Заметно, что западносибирские музейные работники без особенной заинтересованности охраняли новые военно-революционные памятные места, часто относясь к этой задаче как к формальной. В итоге уже к концу 1930-х гг. новые военно-революционные мемориалы выглядели заброшенными и неухоженными. Это вызывало возмущение старых революционеров и подпольщиков. Однако в 1930-х гг. музеи Западной Сибири переживали глубокий структурный кризис, их невнимание к памятникам было связано также с недостатком квалифицированных работников, кадровой текучкой и материальными проблемами.

Ключевые слова: музей, охрана памятников, памятные места, коллективная память, политика памяти, Сибирь.

Information on article

Author: Krasil'nikova Ekaterina Ivanovna – Candidate of Science in History, Associate Professor, Russia, Novosibirsk State Technical University, katrina97@yandex.ru.

Title: The museums' activities devoted to the protection of monuments in the cities of Western Siberia (1920 – the first half of 1941).

Abstract: This article is devoted to the description of the main problems encountered in the work of the city's museums in Western Siberia, which was aimed at the preservation of historical monuments, which were in Omsk, Tomsk, Barnaul and Novosibirsk. The chronological framework of the study is limited to the period between the Civil war and the great Patriotic war. The research was made on the basis of legislative and office documents which are stored in the State archive of the Russian Federation, and also in the West Siberian regional archives. The author also involved the periodicals. She comes to the conclusion, according to which, in the early 1920s, the Museum workers of Western Siberia, as before the revolution, tried, first of all, to protect the monuments of wooden architecture, historical necropolis, old churches, and other pre-revolutionary buildings, reflecting cultural and historical specifics of Western Siberia's cities. Local authorities are also involved museums in their work to create a new landscape of collective memory, which consisted of the military revolutionary attractions. At the turn of the 20's and 30's the museum workers tried to protect the monuments of the pre-revolutionary history, not related to the military-revolutionary events, but the local authorities usually suppressed their initiatives. It is noticeable that the West Siberian museum workers without interest guarded the new military-revolutionary memorial places, often treating this task as to formal. As a result, by the end of the 1930s, new military revolutionary memorials looked abandoned and neglected. This was resented old revolutionaries and underground fighters. However, in the 30s the museums of Western Siberia were experiencing a deep structural crisis, their lack of attention to monuments was also connected with the lack of qualified workers, personnel turnover and financial problems.

Key words: Museum, monuments, memorable places, collective memory, the memory policy, Siberia.